

—

Таоюй, увидев такую сильную реакцию отца, почувствовал, как у него что-то ёкнуло в сердце, но честно не стал отрицать и тихонько кивнул.

Цзи Янцзун расширил глаза: «Деревенские жители мне наедине говорили, что с этим человеком трудно иметь дело, что он никогда не здороваётся первым, а даже когда с ним здороваются, он почти не обращает внимания. Почему он неоднократно проявляет к тебе заботу? Неужели этот парень...»

«Папа, ты можешь перестать фантазировать? Стоит мужчине сказать мне слово, как ты сразу думаешь, что у него какие-то другие мысли».

Цзи Таоюй поспешно прервал отца: «Это просто вызывает смех и заставляет людей думать, будто я какая-то небесная фея или лакомый кусочек».

Цзи Янцзун нахмурился и бросил взгляд на Таоюя: «Ты ещё маленький ребёнок, ничего не понимаешь».

Сказав это, он снова похлопал Таоюя по руке: «К тому же, мой гер и есть лакомый кусочек».

Цзи Янцзун сказал: «Сегодня на ярмарке в городе староста деревни Хунли спросил меня о тебе, сказал, что их второму сыну тоже пришло время жениться».

«Я видел второго сына старосты Чжоу, хоть он и не так красив, как тот маленький ублюдок из семьи Юй, но у него правильные черты лица. Папа понял, что образованные люди, конечно, хороши, но они высокомерны, и нашей обычной семье с ними не справиться. Лучше найти того, с кем можно спокойно жить».

«Тот второй сын из семьи Чжоу — человек надёжный и трудолюбивый, он уже вырыл пруд и разводит рыбу и креветок, может зарабатывать. В общем, не так уж и плохо...»

Таоюй, увидев, что отец никак не остановится, и говорит больше, чем его мать, не дождавшись, пока тот закончит, повернулся и ушёл: «Я ничего не понимаю, пойду в комнату лекарства толочь».

«Ой, папа знает, что ты ещё скорбишь из-за Юй Эрлана, но жизнь продолжается, не так ли?»

Цзи Янцзун посмотрел на своего сына, который ушёл, не оборачиваясь, поспешно встал и последовал за ним: «Ладно, ладно, если ты не хочешь, мы не будем спешить, посмотрим

позже. Не сердись на папу, а то потом мама меня ругать начнёт...»

На следующий день Цзи Таоюй, в отличие от прежних дней уныния, встал рано.

Он разложил всю приготовленную мазь от обморожений по баночкам, упаковал в коробку и сказал Цзи Янцзуну и Хуан Маньцзин, что собирается в город продавать товар.

В октябре Цзи Янцзун был занят сбором налогов и изначально беспокоился, что у него не будет времени утешить Таоюя. Увидев, что тот сам захотел выйти из дома, он почувствовал облегчение.

Конечно, он не стал препятствовать его поездке в город, наоборот, даже нашел немного мелочи для Таоюя, чтобы тот купил себе что-нибудь поесть и развлечься в городе.

«Твой дедушка ещё не знает об отмене помолвки. Как раз хорошо, что ты поехал, сначала сообщи ему».

Сказав это, Цзи Янцзун не удержался и вздохнул: «Как только у него будет время, он наверняка придет в деревню».

Хуан Маньцзин положила Цзи Янцзуну в тарелку немного овощей: «В этом нет твоей вины, ведь изначально ты тоже думал о Сяо Таоцзы, поэтому так поступил».

Таоюй, жуя булочку, понял, что отец немного беспокоится, что дедушка придет и отругает его.

Он поднял лицо и тихо сказал: «Папа тоже боится тестя?»

«Ничего не понимаешь, ещё смеешь смеяться над своим отцом», — Цзи Янцзун ущипнул Таоюя за лицо и забрал у него булочку: «Ты ешь поменьше, оставь место, чтобы потом в городе у прилавка с завтраками съесть вонтон. Ты же его любишь».

Хуан Маньцзин ударила Цзи Янцзуна по руке: «Что за отец, который не даёт ребёнку наесться».

Цзи Янцзун рассмеялся, развеяв уныние, царившее в доме последние несколько дней, он отложил палочки и встал: «Ладно, мне нужно пораньше пойти собирать налоги».

Накидывая верхнюю одежду, он сказал: «Сяо Таоцзы, если останешься на ночь у дедушки, заранее передай весточку».

Таоюй тоже отложил палочки: «Знаю».

Цзи Янцзун вышел из дома, и Таоюй следом, взяв маленькую коробку, тоже приготовился выйти.

Хуан Маньцзин изначально хотела, чтобы Таоюй взял немного вяленого мяса к дедушке, но, подумав, что у него уже есть своя коробка, и если он ещё понесет вяленое мясо, у него точно не хватит сил.

Поэтому она отказалась от этой мысли, поправила ему накидку, глядя на похудевшее лицо сына, и с болью в сердце сказала: «Хорошо повеселись. Иди».

«Угу».

Таоюй, неся маленькую коробку, прошёл сквозь утренний туман и, ещё не дойдя до въезда в деревню, увидел человека, ведущего лошадь и медленно идущего по главной дороге деревни.

Большая чёрная лошадь тоже шла медленно за хозяином, время от времени опуская голову, чтобы пощипать несколько редких уцелевших от осеннего увядания травинок на обочине.

Хо Шу не окликнул гера, остановился и подождал, пока тот подойдёт, затем взял у него маленькую коробку.

Сразу же вскочил на лошадь: «Подожду тебя у въезда в деревню».

Сказав это, он погнал лошадь вперёд.

Таоюй потер покрасневшие от холодного осеннего ветра руки, которыми он нёс маленькую коробку, и ускорил шаг к въезду в деревню.

Они снова, как и в прошлый раз, один на лошади, другой на телеге, въехали в город один за другим.

Когда они прибыли в город, туман был ещё довольно густым. Таоюй снял капюшон своего плаща и осмотрелся, но в тумане не увидел Хо Шу.

Как раз когда он не знал, где его искать, сзади раздался знакомый голос: «Сюда».

Таоюй, увидев человека, несущего коробку в одиночку, вздохнул с облегчением: «Почему только тебя видно, где лошадь?»

Хо Шу сказал: «Отправил в конюшню».

Таоюй кивнул, он подошёл и забрал свою маленькую коробку: «Сначала продадим мою мазь».

Хо Шу шёл рядом с Таоюем, склонив голову, и взглянул на коробку: «Что за мазь?»

«Мазь от обморожений».

Сказав это, Таоюй вдруг вспомнил: «Брат Хо, у тебя зимой бывают обморожения? Эта мазь очень помогает, можешь взять две штуки для использования».

«В следующий раз».

Он подумал, что маленькую коробку и так непросто привезти в город, а если ещё разделить с ним, то это всё равно, что привезти обратно.

«Хорошо».

Таоюй пошёл по дороге, и они вдвоём направились в район Линьхэфан. В этом районе было много странствующих торговцев, которые путешествовали по стране.

Они мало торговали в самом центре провинции, в основном ездили по уездам, поэтому часто закупали в центре провинции хорошо продаваемые товары и перепродавали их в уездах.

Эти самостоятельные мелкие торговцы, конечно, не могли привезти столько товаров, сколько торговые караваны по несколько десятков человек, но в центре провинции действовала политика поддержки населения, и мелким торговцам, перепродающим товары внутри провинции, не нужно было платить таможенные пошлины.

Таким образом, за одну поездку они могли заработать несколько тысяч медных монет, что для простых людей было неплохим делом.

«Если повезет, можно встретить торговцев, только что вернувшихся из уездов, они тоже привозят некоторые особые продукты из небольших мест. Хотя уезды не так процветают, как центр провинции, у них тоже есть свои особенные продукты, возможно, даже удастся дешево найти что-то хорошее».

Хо Шу слегка склонил голову, слушая немного мягкий и чистый голос молодого человека рядом, и его взгляд пробежался по Линьхэфану.

С одной стороны этого района был ручей, с другой — дома, у большинства из которых были

небольшие витрины.

В магазинах не было чёткого разделения на то, что продаётся, в основном это были всякие мелочи, но товары первой необходимости такие как еда, одежда, товары для быта и транспорт были примерно разделены.

В основном здесь были обычные люди, кто-то привозил домашние соленья и лепёшки, кто-то — плетёные корзины и сита, а также шпильки, ткани и прочее, всё было очень разнообразно.

Эти вещи, как правило, стоили недорого, их использовали обычные люди.

Торговцы с удовольствием их покупали, так как товары с высокой себестоимостью было дорого покупать и трудно продавать. Более того, поскольку у таких торговцев не было большой команды, перевозить ценные вещи в дальние путешествия было рискованно.

«Мастер Сяо Цзи!»

Хо Шу услышал, как впереди кто-то окликнул, он слегка прищурился и увидел, что Цзи Таоюя окликает немного располневший мужчина средних лет.

Сказав это, он подошёл ближе. Мужчина мельком взглянул на Хо Шу, стоявшего рядом, с некоторой опаской кивнул в знак приветствия, а затем обратился к Цзи Таоюю: «Я давно не видел доктора Цзи. У вас есть какие-нибудь товары на этот раз?»

Таоюй, увидев, что его окликнули, приподнял коробку в руке: «Есть немного мази от обморожений, возьмёте?»

«Возьму, возьму!»

Мужчина сказал: «Мастер Сяо Цзи делает хорошие лекарства, та мазь от насекомых, что мы брали раньше, очень помогает. Лао Ма на этот раз ездил в глубинку, и те, кто с ним знаком, ещё спрашивали, нет ли других лекарств».

Мужчина провёл их двоих в свой магазин: «Скоро зима, в эту поездку мазь от обморожений наверняка хорошо пойдёт».

Цзи Таоюй спросил: «Мастер Ма не занимается бизнесом на выезде?»

«Приехал вчера ночью, провёл в дороге полмесяца, сейчас отдыхает».

Мужчина налил им обоим чаю и рассмеялся: «Я как раз собирался разобрать товар, который

он привёз, и тут увидел мастера Цзи».

Цзи Таоюй, услышав это, заблестел глазами. Он взглянул на Хо Шу рядом, затем сказал: «Можем посмотреть, есть ли что-нибудь интересное?»

Мужчина очень радушно сказал: «Конечно, конечно! Я сейчас вынесу. Мастер Цзи посмотрите, есть ли что-нибудь вам понравится».

Вскоре мужчина вытащил из угла два больших ящика, в которых торговцы возили товар.

Таоюй поспешно присел рядом с ящиками, снял крышки. Внутри было много разной всячины в больших и маленьких пакетах.

Были местные кедровые сосиски, семена дыни и специй. Таоюй также достал оттуда плоский чёрный камень в форме плитки.

У него был острый нюх, и, достав вещь, он почувствовал слабый аромат: «Это душистая тушь?»

«Мастер Цзи и впрямь разбирается». Мужчина сказал: «Душистая тушь в нашем городе в последние два года очень хорошо продаётся, цена высокая, часто бывает дефицит».

«Лао Ма на этот раз ездил в уезд Нанью, где производят, тоже хотел немного привезти для перепродажи, но и там цены на душистую тушь поднялись. Не скрою от мастера Цзи, это делают местные крестьяне. Лао Ма сказал, что хотя выглядит не так изящно, как в магазинах, но тоже душистая, и главное, цена невысокая, поэтому он немного привёз».

Бруски туши в магазинах были либо резными, либо украшенными, либо позолоченными и раскрашенными, выглядели очень элегантно и изящно.

Этот брусок туши был чисто тушью, даже немного неровным, и действительно выглядел как сделанное в домашних условиях.

Он взял один брусок и протянул Хо Шу рядом: «Хочешь? Эта душистая тушь при письме оставляет аромат, и даже когда чернила высохнут, аромат останется. И запах не обычный, пудровый, а тёплый и элегантный».

Учёные очень любят её, и обычно используют для написания писем тем, кто им дорог.

Хо Шу читал немного книг, хоть и не было проблем с чтением и письмом, но он не особо разбирался в таких вещах, как кисти, тушь, бумага и тушечницы. В его глазах главное, чтобы можно было использовать.

Но услышав подробное и серьёзное объяснение Таоюя, он всё же поднёс брусок туши к кончику носа и понюхал: «Возьму несколько штук».

«Хорошо, хорошо, я сейчас упакую».

Таоюй продолжил рыться в ящике с товаром и нашёл ещё немного любимых семян лекарственных трав, больше ничего не было.

Они были хорошо знакомы, и хозяин магазина не стал торговаться с Таоюем, четыре бруска туши обошлись в триста двадцать вэней, семена стоили десять вэней.

Мазь от обморожений Таоюй продавал в лавке дедушки по тридцать шесть вэней за баночку, а оптовая цена составляла двадцать вэней.

Десять баночек сразу приносили двести медных монет.

Хо Шу заплатил за всё. Выйдя, Таоюй поспешно протянул ему десять медных монет.

«Не нужно».

Таоюй подумал, что мужчина и впрямь упрямый, ведь у него даже денег нет, и ему придётся работать, а он даже на мелочь не смотрит. Он сказал: «Почему не нужно? За десять вэней можно съесть тарелку вонтонов в придорожном прилавке».

Хо Шу, вспомнив, что вчера сказал, что беден, сказал: «Тогда в следующий раз угостишь меня тарелкой лапши».

Таоюй, видя, что он не берёт деньги, беспомощно положил монеты обратно в кошелёк: «Ну ладно, так тоже можно».

«Мы сейчас сразу пойдём к сестрице У Сань или купим что-нибудь ещё?»

Хо Шу сказал: «Купим ещё набор кистей, туши, бумаги и тушечниц, чтобы получился набор».

Таоюй хотел сказать, что такой подарок, потратив столько денег, уже вполне приличный, и сестрица У Сань, судя по всему, не очень богатый человек, поэтому не нужно выставляться.

Но, подумав немного, он вспомнил, что собирается навестить сына старого друга, который теперь стал ему племянником. В первый раз, когда дядя навещает племянника, вполне естественно подготовить щедрый подарок.

Он согласился и без лишних слов повёл Хо Шу в книжную лавку. Таоюй хотел помочь выбрать набор кистей, туши, бумаги и тушечниц подешевле, но такие вещи самые дорогие, даже самый обычный набор стоил несколько сотен вэней.

В итоге Хо Шу выбрал один из нескольких предложенных наборов. Таоюй опасался, что Хо Шу, переживая, выберет более дорогой набор, чтобы создать видимость, и тот стоил целых тысячу двести вэней.

Таоюй выпучил глаза, подумав, что Хо Шу зовут как-то не так, лучше бы его назвали Хо-Хо Иньцзы*, потому что он транжирил деньги.

[* 闪电 Huòhuò — быстрый, проворный; 银两 yínzǐ — серебро]

Он покачал головой, но Хо Шу широкими шагами подошёл к очереди, чтобы расплатиться.

Пока Таоюй ждал в стороне, он ещё раз осмотрел эту книжную лавку и вдруг почувствовал себя немного потерянным.

Раньше дома всегда покупали Юй Линсяо книги и письменные принадлежности. Он ходил за покупками в Линьхэфан и заходил в книжную лавку.

Юй Линсяо всегда покупали хорошую тушь и кисти, боялись, что в академии он будет пользоваться простыми и над ним будут насмехаться.

Хотя он никогда не подсчитывал, сколько денег потратили на него за эти годы, но один визит в книжную лавку всегда обходился не меньше чем в сотню медных монет.

Бедная семья за месяц не всегда могла заработать и сотни медных монет.

Наверное, это было грустно, но Цзи Таоюй старался больше об этом не думать. Однако, видя знакомые места и предметы, он не мог не вспомнить прошлое.

Как раз когда он задумался, ему вдруг протянули немного потрепанную книгу «Собрание записей по оправданию несправедливости».

Он поднял голову и посмотрел на Хо Шу: «Это...?»

Хо Шу склонился над задумчивым гером: «Книжная лавка подарила. Идём».

Таоюй только успел взять книгу, как Хо Шу развернулся и вышел первым.

Таоюй поспешно взглянул на название книги. Казалось, это был развлекательный сборник рассказов о расследованиях преступлений, но на самом деле это был труд по судебной медицине. В его глазах снова загорелся огонёк.

«Подожди меня».

Он прижал книгу к груди и поспешно бросился вслед.

Адрес, оставленный У Ляньхэ, находился в переулке под названием Сяошаньтоу.

В этом переулке было много плотно застроенных домов, это был старый жилой район города Тунчжоу. За переулком находился причал, вокруг не было торговых лавок, поэтому сюда приходили только те, кто жил в этом районе.

Но дома в переулке были небольшие, а людей живет много, поэтому здесь всегда было очень оживлённо.

Хо Шу и Таоюй плутали по узкому, длинному, будто не имеющему конца переулку, поворачивая налево и направо, и только через четверть часа нашли дом У Ляньхэ.

Таоюй постучал в деревянную дверь с красными парными надписями, написанными не очень зрелой, даже немного наивной кистью. Вскоре изнутри раздался голос: «Кто там? Иду».

Ответила женщина, но дверь открыл и высунул голову мальчик.

У мальчика было невинное лицо, но он был довольно высоким. Когда он выпрямился, он был почти такого же роста, как Цзи Таоюй.

Увидев двух незнакомых людей, он собирался спросить, кто они, как из кухни поспешно вышла женщина в фартуке, пересекла небольшой двор и прямо подошла к ним: «Брат Хо, Тао гер пришли! Быстрее заходите!»

У Ляньхэ поспешно потянула мальчика и представила: «Пан-эр*, это боевой товарищ твоего отца, теперь ты должен называть его дядя Хо».

[*Суффикс «эр» □ выражает определенную степень близости, дружеское расположение, его часто добавляют родители к имени детей.]

Чжао Пан взглянул на высокого и свирепого Хо Шу. В Цзяннани редко можно было увидеть мужчину такого телосложения. Ему было немного любопытно, но он все равно послушал мать и неуверенно позвал: «Дядя Хо».

Хо Шу, увидев перед собой Чжао Пана с немного круглым лицом и густыми чёрными бровями, понял, что это уменьшенная копия Чжао Чансуя.

Чжао Чансуй был дружелюбным, почти глуповатым. Когда он улыбался, он выглядел как настоящий дурачок. После того, как он стал командиром сотни, некоторые новобранцы иногда пытались над ним издеваться, и ему приходилось немало помогать ему избивать людей.

Он присел на корточки, взял Чжао Пана за плечи: «Очень похож на своего отца».

Чжао Пан давно слышал от матери про своего отца, и, узнав, что сегодня приедет боевой товарищ отца, он уже с нетерпением ждал.

Увидев, что пришёл высокий и суровый мужчина, он не испугался, как другие при первом взгляде на Хо Шу, наоборот, из-за того, что с детства у него не было отца, он особенно жаждал отцовской заботы, и, зная, что этот человек тесно связан с его родным отцом, он почувствовал некоторое родство.

«Дядя Хо».

Хо Шу протянул Чжао Пану вещи в руке: «Слышал от твоей матери, что ты учишься в частной школе. Я ничего для тебя не подготовил, поэтому купил набор кистей и туши, возьми, посмотри».

Чжао Пан, услышав, что есть подарок, как ребёнок не мог скрыть своих чувств, на лице сразу расцвела улыбка, и он поспешно взял свёрток: «Спасибо, дядя Хо».

Сказав спасибо, он с нетерпением развернул подарок.

«Это четыре сокровища из Цинчжифан!»

Чжао Пан, увидев доставаемые вещи, обрадовался, как будто нашёл сокровище, а затем увидел под ними свёрток, завернутый в простой платок, развернул и тут же его глаза засияли: «Это душистая тушь?»

Он не терпел, чтобы поднести брусок туши к кончику носа и понюхать, и ещё больше обрадовался, прищурился и показав два клыка: «Это действительно душистая тушь! Дядя Хо, вы даже в этом разбираетесь!»

Он поспешно снова поклонился Хо Шу: «Спасибо, дядя Хо».

«Брат Хо приехал в гости, и мы с ребёнком должны были отблагодарить вас, как же так, зачем вы потратили так много денег?»

Хо Шу встал и, глядя на радостного Чжао Пана, который улыбался точно так же, как его отец, и даже характер у него был почти такой же, как у отца, выглядел как настоящий оптимист.

Когда Чжао Чансуй был новобранцем, его угнетали старые солдаты, он голодал и мёрз, но всё равно мог говорить без умолку, говоря что-то, чтобы поддержать других. Обычно, даже съев 'железную' булочку, он был счастлив, как будто наступил Новый год.

Он сказал: «Главное, чтобы ребёнку понравилось».

Сказав это, он взглянул на Цзи Таоюя рядом, выражая благодарность.

«Я пойду заварю дяде Хо чай».

Чжао Пан, неся подарки, взглянул на Цзи Таоюя рядом и с мольбой спросил мать: «Кто этот гер?»

«Это ребенок старосты из деревни твоей бабушки, мы с ним ровесники, зови его дядя Тао».

Чжао Пан послушно окликнул «дядя Тао», а затем убежал в дом, чтобы заварить чай для них двоих.

У Ляньхэ тоже была немного удивлена, что Таоюй тоже пришёл. То, что они вдвоём пришли вместе, было немного странно. Хотя она много лет не была в деревне, но её родители, братья и сёстры иногда приезжали в город и навещали её.

Конечно, она знала о важных событиях в деревне, и знала, что Таоюй был помолвлен с тем новым цзюйжэнем из семьи Юй.

Увидев, что ребёнок вошёл в дом, она сказала: «Брат Хо и Сяо Таоцзы...»

Таоюй в спешке хотел объясниться, но говорить было долго, и он не знал, с чего начать. Хо Шу, не желавший вмешиваться в общие темы, заговорил первым: «Я попросил его пойти со мной».

Одна фраза пресекла вопрос У Ляньхэ.

У Ляньхэ, увидев это, больше не стала задавать вопросов и радушно пригласила их в дом сесть.

«Я с самого утра купила мясо и овощи на рынке, сейчас уже почти всё готово. Пан-эр сегодня тоже пойдёт веселиться. Сейчас самое время для жирных крабов, я подумала, что брат Хо с севера, наверное, редко такое ест, поэтому купила много».

Таоюй встал: «Я помогу, сестра У Сань».

«Не нужно, сиди! Осталось всего пара блюд. Ты с трудом приехал в город, зачем тебе работать? Сиди, отдохни немного».

У Ляньхэ усадила Таоюя обратно на стул: «Поешь фруктов и попей чаю».

Чжао Пан поспешно поднёс чай: «Это чай с корицей и хризантемой».

А ещё была тарелка с тыквенными семечками.

Таоюй любил цветочный чай, и по пути он действительно немного хотел пить. Увидев это, он спокойно сел и выпил чашку.

Чжао Пан изначально думал, что Хо Шу задаст ему много вопросов, но после того, как Хо Шу вошёл в дом, он не произнёс ни слова, словно немой.

Он хотел снова поговорить с Хо Шу, поэтому взял на себя инициативу и сказал: «Дядя Хо, позвольте мне показать вам, что я написал».

Сразу же пошёл и принёс стопку исписанной бумаги.

«Учитель недавно даже похвалил меня за некоторый прогресс».

Таоюй сидел в сторонке, грызя тыквенные семечки, и смотрел, как Хо Шу берёт бумагу и смотрит на написанные на ней иероглифы. Он смотрел очень внимательно, но долго молчал.

Чжао Пан стоял рядом с Хо Шу и, видя нахмурившегося мужчину, который и без того выглядел очень серьёзно, даже когда на его лице не было никаких эмоций, а с нахмуренными бровями выглядел ещё суровее, почувствовал тревогу и тихо сказал: «Дядя Хо, я плохо написал?»

Хо Шу, увидев несколько листов с одними и теми же фразами, не совсем понимал, зачем так много раз писать уже выученные иероглифы, разве это не трата бумаги?

Как раз когда он не знал, что сказать, рядом к нему придвинулась голова с лёгким запахом лекарственных трав, посмотрел на иероглифы на бумаге: «Да, композиция красивая, письмо плавное, кончик кисти лёгкий и грациозный. Отлично!»

Глаза Чжао Пана снова загорелись: «Дядя Тао умеет читать? Точно так же, как сказал учитель!»

Таоюй сказал: «Умею. Я тоже учился несколько лет».

Несколько семей клана Цзи совместно нанимали учителя специально для обучения детей чтению и письму. Изначально учили только мальчиков, но в их семье был только он один, и его отец сказал, что раз уж деньги заплачены, то нет причин не учиться. Поэтому дети из всех семей, независимо от того, мальчики ли они, девочки или геры, учились вместе.

Некоторые его двоюродные геры и сёстры, считая учёбу скучной, выучив иероглифы, ленились и не хотели продолжать учиться. А ему казалось интересным, и семья не возражала, поэтому он учился около семи-восьми лет, умел читать и писать, и немного разобрался в поэзии.

«Дядя Тао действительно потрясающий».

Чжао Пан, хотя его похвалил Таоюй, не был слишком счастлив.

Таоюй, видя немного унылого Чжао Пана, прекрасно понимал мысли ребёнка. Он хотел поговорить с Хо Шу и сблизиться с ним, но его дядя Хо был немногословным, обычно не заговаривал без необходимости.

В любом случае, он стоял там с серьёзным лицом, не говоря ни слова, и не чувствовал себя неловко, наоборот, другим было не по себе.

Конечно, он также понимал, что Хо Шу, прослуживший десять лет на севере, не особо разобрался в литературе.

Таоюй помахал Чжао Пану, тихо сказал ему что-то на ухо, и Чжао Пан тут же снова обрадовался, повернулся и побежал в дом.

Хо Шу посмотрел на Таоюя: «Что ты ему сказал?»

Таоюй моргнул: «Я сказал, что его дядя Хо не умеет читать, так что не позорь его».

Хо Шу слегка прищурился и медленно произнёс два слова: «Я умею».

Таоюй поднял бровь, не стал спорить с Хо Шу, наоборот, сам снова принялся грызть тыквенные семечки.

Вскоре Чжао Пан снова выбежал, неся лук: «Дядя Хо, вы умеете стрелять из лука?»

Хо Шу взял деревянный лук и дёрнул тетиву пальцем: «Умею».

«Отлично! Дядя Хо, можете меня научить?»

Чжао Пан неловко дёрнул тетиву лука: «Учитель сказал, что я уже не маленький, и если в будущем хочу преуспеть на экзаменах, нужно освоить шесть искусств. Частная школа небольшая, учитель учит только по книгам, а стрельбе из лука и верховой езде нужно учиться у других учителей».

«Никто из моих дядей не умеет ездить верхом или стрелять из лука. Мама купила мне лук два или три месяца назад, но я до сих пор не умею им пользоваться».

Чжао Пан сказал: «Мама собиралась найти мне учителя, но учителей по верховой езде и стрельбе из лука мало, и цена очень высокая».

Таоюй сказал: «Тогда тебе повезло найти бесплатного. Твой дядя Хо умеет ездить верхом и стрелять из лука, он побывал на войне, наверняка он лучше любого учителя».

Хо Шу, услышав это, незаметно приподнял уголки губ, не возражая, лишь слегка опустил глаза.

Внезапно раздался свистящий звук, и короткая стрела вылетела из открытой парадной комнаты. Дзень! Она точно вонзилась в мишень во дворе.

Чжао Пан, услышав звук, выбежал из-под навеса и увидел, что короткая стрела, которую он даже не мог выстрелить, попала точно в центр мишени, и даже пронзила её наполовину.

Мишень представляла собой просто круглую плетёнку, раскрашенную цветными кругами, небрежно висящую на вешалке. В этот момент она качалась из стороны в сторону, что свидетельствовало о силе удара стрелы.

Его глаза были широко раскрыты, а рот открыт в изумлении. Он впервые увидел столь искусную стрельбу из лука.

Сразу же почувствовал, что учителя верховой езды и стрельбы из лука, которых он видел раньше, не более чем посредственности, и ещё больше восхитился Хо Шу.

Хо Шу, глядя на Чжао Пана во дворе, сказал: «Стрельбе из лука я научил и твоего отца, теперь научить тебя тоже не проблема».

На севере шли войны, и мужчины с детства могли не учиться читать и писать, но не могли не учиться верховой езде и стрельбе из лука. Когда Хо Шу вошел в военный лагерь, он уже был первоклассным наездником и лучником, но Чжао Чансуй, как человек с юга, более образованный, не знал этих вещей.

Новобранцы при поступлении в армию ежедневно учились верховой езде и стрельбе из лука, но обучение, которое давали командиры, всегда было поверхностным и небрежным. Он боялся, что Чжао Чансуй быстро умрёт, не разобравшись, поэтому в частном порядке давал ему дополнительные уроки.

Этот парень был хитрым, быстро учился, но всегда был мягкосердечным и не стрелял в живых существ, поэтому прогрессировал медленно, и сколько ни говори, он не слушал.

Позже, после того как он дважды был на передовой, его навыки стрельбы из лука стали очень хорошими.

Главное, что те, кто плохо стрелял, уже погибли на поле боя.

Чжао Пан, услышав это, почувствовал какое-то странное чувство. Хотя он никогда не видел своего отца, но в нём текла кровь этого человека, и он всё равно помнил о нём.

«Спасибо, дядя Хо».

Дядя Хо встал, взглянул на Цзи Таоюя рядом и сказал: «Ты хочешь учиться?»

Таоюй предполагал, что Хо Шу умеет ездить верхом и стрелять из лука, но не думал, что его меткость настолько совершенна. Хотя ему это казалось очень крутым, если бы он сам учился, у него точно не было бы такого таланта.

Он поспешно махнул рукой: «Не надо, я даже лук натянуть не смогу, и силы у меня мало».

«Неважно, если ты ничему не научишься, главное, чтобы кто-то тебя защищал».

Таоюй опешил, не совсем поняв смысл слов Хо Шу.

Итак, они втроём немного поупражнялись в стрельбе из лука в маленьком дворе. Ко времени обеда Чжао Пан уже знал, как держать стрелу и натягивать лук.

Хотя он ещё не мог попасть в мишень, но по крайней мере мог выпустить стрелу. Ребёнок был очень доволен своими достижениями и даже потянул мать, чтобы показать ей.

Посмеявшись и поболтав немного во дворе, они пошли в дом, чтобы поесть.

У Ляньхэ все утро хлопотала, приготовила большой стол с блюдами и специально купила кувшин хорошего вина в городе, чтобы угостить Хо Шу.

Чжао Пан уже совсем не стеснялся Хо Шу, бегал туда-сюда, то наливая ему вино, то очищая крабов.

Он был так услужлив, будто Хо Шу нанял его рабочим. У Ляньхэ, видя, что ребёнок так давно не был так счастлив, не могла не почувствовать себя очень довольной.

«Дядя Хо, можешь в следующий раз научить меня стрелять из лука?»

«Вы сможете ещё приехать в город навестить меня?»

После полудня Хо Шу, видя, что солнце стало серым, и опасаясь дождя, приготовился вернуться.

Чжао Пан очень не хотел, чтобы он уходил, и провожал Хо Шу до главной улицы за переулком. Даже когда У Ляньхэ остановила его, чтобы он больше не провожал, он всё ещё не переставал задавать Хо Шу вопросы.

Неудивительно, что Чжао Пан был таким. С детства У Ляньхэ водила его, прячась, и он редко видел дедушку с бабушкой, дядю и тётушек.

В детстве, когда У Ляньхэ приходилось идти работать в мастерскую, он оставался дома один и даже не мог выйти на улицу, чтобы поиграть с другими детьми.

Узнав, в какой ситуации находится его семья, он стал очень послушным. Чтобы не создавать проблем У Ляньхэ, даже когда он стал ходить в частную школу, он не заводил друзей, в основном был одинок.

В конце концов, он всё ещё был ребёнком. Хо Шу был боевым товарищем его отца, они провели вместе десять лет, а теперь ещё учил его стрельбе из лука, конечно, он ему доверял.

«Приеду».

Хо Шу был немногословным, только согласился.

Сказав это, он взглянул на У Ляньхэ: «Ты планируешь позволить своему ребенку осознать свои родовые корни?»

У Ляньхэ взглянула на Чжао Пана: «Я собираюсь подождать, пока он добьётся каких-то успехов на экзаменах, тогда и разговоров будет меньше».

Хо Шу кивнул. Он сказал Чжао Пану: «Если что-то случится в будущем, приходи ко мне в

деревню».

«Хорошо!»

Чжао Пан поспешно согласился.

Только после этого Хо Шу и Таоюй ушли.

«Дядя Хо, я обязательно буду хорошо тренироваться в стрельбе из лука!»

Хо Шу, услышав это, обернулся и увидел, как Чжао Пан изо всех сил машет им.

«Если брат Чансуй на небесах, он тоже может быть спокоен, у него такой хороший сын», — сказал Таоюй.

Хо Шу посмотрел вдаль, он согласился с Таоюем.

«И мать хорошо его воспитала».

Таоюй, услышав это, не удержался и поднял глаза на Хо Шу, удивляясь, что он заметил усилия У Ляньхэ и считал, что это она хорошо воспитала ребёнка, а не какие-то там заслуги рода Чансуя.

Мужчинам в этом мире признавать заслуги женщин и геров, а не только превозносить достижения мужчин, было непросто.

Он хлопнул в ладоши и рассмеялся, его глаза сияли: «Я тоже так думаю».

—

<http://bllate.org/book/14480/1281182>